

УДК 327.2

DOI 10.31857/S032120680002705-9

ПРОБЛЕМЫ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: ОЦЕНКИ АМЕРИКАНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

© 2018 г. П.Т. Подлесный*

Статья поступила в редакцию 25.10.2018.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать основные подходы в США к строительству нового миропорядка, выявить степень их влияния на политику администрации Д. Трампа, рассмотреть суть этой политики.

Ключевые слова: США, миропорядок, Китай, Россия, либеральный мировой порядок, система международных отношений.

На протяжении последних двух лет во влиятельном журнале внешнеполитической элиты США «Форин афферс» была опубликована серия статей известных американских специалистов (Дж. Най, Р. Хаас, Дж. Айкенберри, Э. Фейгенбаум и других), в которых обстоятельно рассмотрены основные аспекты многоплановой проблемы современного мирового порядка – причины его кризиса, общие контуры «Мирового порядка 2.0», предложения о том, какого курса необходимо придерживаться в условиях коренных перемен в системе международных отношений.

Лидерство США при всех условиях

Среди этих статей значительное место занимает работа сотрудника авторитетной исследовательской корпорации РЭНД Майкла Мазара «Порядок нынешний и порядок будущий» [Mazarr M., 2017: 24-32]. Он прав в том, что только несколько внешнеполитических проблем привлекли большее внимание, нежели сохранение всё ещё возглавляемого США нынешнего «либерального миропорядка» (насколько правомерна такая характеристика, будет показано ниже), который позволяет Соединённым Штатам успешно отстаивать свои интересы в мире и достигать значимых для них результатов. Проблема «как добиться его сохранения» по-прежнему находится в центре глобальной внешнеполитической стратегии Вашингтона.

Однако угрозы дальнейшему существованию этого порядка, более того, любым устойчивым и согласованным принципам миропорядка вообще, сейчас нарастают. Речь идёт, в принципе, об известных вещах, а именно о недовольстве

* ПОДЛЕСНЫЙ Павел Терентьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (podlpavel@yandex.ru).

таких стран, как Китай, Россия, Индия, Турция и ряда других, многими аспектами существующего мирового порядка, ущемляющими их интересы, а также о повсеместном недовольстве в мире экономической и социальной ценной, которую десяткам миллионов людей приходится платить за всё более негативные издержки глобализации. Определённое беспокойство, в том числе среди союзников США, вызывает политика президента Д. Трампа, делающего упор на односторонние действия Вашингтона исходя из лозунга «Америка прежде всего» и отхода от существующего «либерального мирового порядка». Объективно говоря, сейчас Вашингтон сталкивается в сфере внешней политики с наиболее трудной задачей за последние десять лет: переосмысление того места, которое нынешний миропорядок должен занимать в глобальной стратегии США в XXI веке. М. Мазар выражает определённую обеспокоенность по поводу того, что у многих представителей американской элиты инстинкт сводится к тому, чтобы в сущности сохранить единую международную структуру при доминировании Вашингтона путём противодействия тем, кто стремится нарушить систему и выступает против агрессивного продвижения либеральных ценностей. Однако сохранить старый порядок целиком было бы неверным, по мнению автора статьи, подходом, который может закончиться ускорением его распада. Вместо этого «США должны выступить навигатором формирования более диверсифицированной системы, которая сейчас материализуется, т.е. системы с большей ролью для укрепляющихся рыночных государств, и с более разнообразными для других стран, помимо США, путями осуществлять лидерство, нежели это допускает существующий порядок».

Напомним, что нынешний мировой порядок включает такие главные международные структуры, как ООН, ВТО, НАТО, МВФ, Всемирный банк и Группу двадцати. Вместе эти структуры влияют почти на каждый, по крайней мере, существенный аспект современной международной жизни. ООН является тем всемирным форумом, где мировое сообщество обсуждает и иногда находит коллективные решения урегулирования международных конфликтов и кризисов и поддержания мира в различных регионах, а также острых глобальных проблем, например, изменения климата. Международные финансовые институты содействуют торговле и стабилизации экономики в периоды кризисов. Многосторонние договоры и соглашения, заключённые через различные механизмы и институты, позволили избежать хаотической гонки вооружений и бесконтрольного ядерного распространения. А группы международных экспертов, активистов и бизнесменов, некоммерческих организаций, действующих в рамках международного «либерального порядка», выработали консенсус и приняли действия по сотням других случаев.

Правила любого такого порядка не реализуются сами по себе, но при соединении с прямой силой государства, они, тем не менее, подталкивают правительства к принятию таких норм поведения, как неагрессивность, отказ от ядерного оружия, уважение прав человека. США поступят мудро, считает М. Мазар, если будут добиваться соблюдения этих норм и в будущем. Проблема состоит в том, чтобы выработать ясное понимание того, как продвигаться, что делать, принимая во внимание коренные перемены в мире, которые продолжают происходить, и как будет выглядеть формирующийся миропорядок.

По мнению автора указанной статьи, послевоенный «либеральный миропорядок» продемонстрировал свою стабильность. Но он всегда включал в себя два характерных подхода, которые не обязательно совместимы между собой. Один из

них – узкий, включающий осторожный взгляд на ООН и на ключевые финансовые институты как гарантов суверенного равенства, территориальной целостности и ограниченной свободы торговли. Другой отстаивал более амбициозную повестку дня, включающую защиту прав человека, создание демократических политических стимулов, экономических рыночных реформ и хорошее управление.

До настоящего времени напряжённость между этими двумя подходами не представляла серьёзной проблемы. В течение многих десятилетий холодная война позволяла США и их союзникам преодолевать этот разрыв под предлогом необходимости поддержания единого фронта. После развала СССР Вашингтон полностью взял на вооружение амбициозный подход, пойдя на расширение НАТО прямо до границ России, вмешательство в целях защиты прав человека в Балканских странах, Ливии, Ираке, поддержание революций, по крайней мере риторически, во имя демократии в Йемене, Грузии, Украине, Мьянме, а также применение всё более изощённых экономических санкций против нелиберальных правительств. В новой однополярной системе международных отношений Вашингтон вёл себя так, как будто узкий подход был поднят более амбициозным вторым подходом.

Наряду с этим США очень часто на протяжении десятилетий извлекали выгоду из своего преимущественного положения, обходя правила миропорядка и институты, когда считали соблюдение этих правил невыгодными для себя. Однако стабильность миропорядка зависит от того, соблюдают ли его ведущие игроки ключевые нормы поведения и выглядят ли они таким образом. Когда лидер порядка постоянно предстаёт перед другими как интерпретирующий правила, как ему вздумается, то легитимность системы разрушается, и другим государствам начинает казаться, что существующий миропорядок в большей мере ущемляет, нежели защищает их интересы и достоинство. Сегодня возникает ситуация, при которой некоторые страны рассматривают США как страну, которая соблюдает нормы права избирательно и в свою пользу, т.е. только нормы, которые уже привязаны к американским интересам. Это убеждает их, что главная функция существующей мировой системы – закрепление статуса и престижа США в ущерб их собственному положению.

Многие годы, да и сейчас ряд стран, включая Бразилию, Индию, Южную Африку и Турцию, искали различные пути, чтобы выразить своё недовольство и разочарование по поводу нынешних правил. Но Китай и Россия стали наиболее важными «диссидентами». Эти две страны рассматривают существующий порядок по-разному, имея собственные амбиции и стратегии. Но обе чувствуют себя обделёнными нынешней системой, которая навязывает строгие условия их участия и, как они считают, угрожает их режимам путём продвижения демократии. И та, и другая призывают к фундаментальным переменам, чтобы сделать нынешний миропорядок менее империалистическим и более плюралистическим.

Особенно разочарована, справедливо признаёт М. Мазур, Россия. Она убеждена, что сделала честные усилия по присоединению к руководимым Западом институтам после распада СССР, но он её оттолкнул и подверг многим унижениям, таким как войны на Балканах в 1990-е годы, расширение НАТО в Восточной Европе, поддержка «цветных революций» в первые годы XXI века, которые угрожали поддерживаемым Россией режимам, а в некоторых случаях действительно свергли такие режимы в некоторых бывших республиках СССР. США пытаются сохранять доминирующие позиции в мире. В последние годы Россия

предприняла ряд драматических, иногда силовых акций с целью ослабить руководимый Вашингтоном миропорядок.

Китай тоже испытывает недостаток уважения. Финансовый кризис конца истекшего десятилетия убедил многих китайцев, что Запад вступил в период быстрого упадка и что Китай заслуживает более мощного голоса в международной системе. Пекин усилил своё влияние в нескольких институтах, включая МВФ и ВБ. Но эти изменения не столь значительны, как считают пекинские лидеры. Они всё ещё недовольны доминированием Запада в этих институтах, рассматривая продвижение Соединёнными Штатами демократии как угрозу. Они противятся региональной сети союзов США, которая окружает Китай. Поэтому Пекин предпринял ряд финансовых и экономических инициатив с целью добиться расширения своего влияния в рамках существующего порядка, включая увеличение помощи на развитие и пополнение средств Азиатского структурного инвестиционного банка, который явно выступает соперником МВФ и ВБ. Китай также преследует свои интересы, нарушая глобальные нормы, пишет автор, путём создания искусственных островов в спорных международных водах и шантажа самолётов США в Южно-Китайском море.

Но какими бы беспокоящими ни являлись эти черты поведения Китая, считает М. Мазар, не следует преувеличивать степень угрозы, которую они представляют. Ни Китай, ни Россия не объявляли себя врагами послевоенного порядка, хотя Россия явно движется в этом направлении. Оба государства продолжают восхвалять создание ООН и её институтов и участвуют в многочисленных организациях, договорах и соглашениях, дипломатических процессах в целом. Китай изрядно поработал, чтобы ещё масштабнее внедриться в существующий порядок. Более того, он считает себя одним из основателей и создателей системы и твёрдо выступает за международный порядок, основанный на целях, задачах и принципах Устава ООН. Китай и Россия развивают пограничную торговлю, участвуют в международных энергетических рынках, глобальных информационных сетях, т.е. в сферах, которые очень серьёзно зависят от международных правил и институтов. И, по крайней мере, до настоящего времени ни одна из этих двух стран не бросала миропорядку военного вызова. Многие крупные страны, включая Китай и Россию, группируются для задач, которые соответствуют их растущей роли в быстро развивающейся международной системе. Если США хотят, чтобы эта система сохранилась, то претензии и амбиции таких стран должны быть учтены. Это потребует более гибкого, плюралистического подхода к институтам, правилам и нормам.

Другая угроза либеральному порядку – популистские настроения, которые имеют место во многих странах повсеместно в мире, и причина которых – недовольство растущим экономическим неравенством, культурными и демографическими переменами, возмущение по поводу утраты национального суверенитета. Для того чтобы либеральный порядок выжил, народы составляющих его стран должны разделять основные социальные и политические ценности. Сейчас этот процесс ослабевает, считает автор.

Послевоенный порядок подталкивал глобальную интеграцию и либерализацию путём поощрения соглашений о свободной торговле, развития международного права и создания глобальных коммуникационных связей. Это укрепляло миропорядок в свою очередь путём цементирования поддержки обществен-

ностью либеральных ценностей. Но нарастание популизма против глобализации сейчас угрожает разорвать этот устоявшийся круг.

Подъём популизма имеет место в Европе и США против внедрения глобализирующегося миропорядка. Поддержка общественностью торговых соглашений сократилась. Противодействие наднациональным институтам типа ЕС увеличилось постоянно, особенно по мере роста подозрительности и ненависти касательно иммигрантов. Рост популизма уже привёл к одной крупной жертве – выходу Англии из ЕС и нарастанию негативных ксенофобских настроений в таких разных странах, как Австрия, Дания, Франция, Греция, Венгрия и Голландия, Россия, Швеция и США.

До сих пор ни одна из этих стран не отвергала полностью существующий международный порядок. Популизм разделяется меньшинством избирателей, и поддержка либерализма остаётся солидной во многих государствах. 58% американцев рассматривают торговлю как возможность, нежели как угрозу, – это самая высокая цифра с 1992 г. Поддержка американцами ООН выросла на 9% с 2004 г. и составляет 64% – новый пик.

И хотя эти результаты нельзя игнорировать, но если даже четверть граждан решительно повернётся против либеральных ценностей в критически важном числе стран, это приведёт к дестабилизации всей существующей системы. В некоторых случаях это может произойти в силу того, что радикальные партии или индивидуумы могут прийти к власти даже в условиях отсутствия преобладающей поддержки. Иногда, как в случае с выходом Великобритании из ЕС, сильные оппоненты порядка объединяются с большим числом озабоченных граждан в успешных усилиях по отбрасыванию элементов существующей системы.

Как показывает опыт, мировой порядок опирается на две опоры: баланс сил и престиж среди ведущих членов при некоторой степени общности ценностей. Обе эти опоры выглядят сегодня весьма тонкими. В течение многих лет большая стратегия Вашингтона основывалась на идее, что возглавляемый США унитарный порядок отражает универсальные ценности. К нему было легко присоединиться, и он обладал притягательной силой для других стран. Но эти предпосылки сегодня уже не работают так, как прежде. Если Вашингтон хочет сохранить такую международную систему, которая помогает избежать конфликтов, усиливать благосостояние и продвигать либеральные ценности, то, убеждён М. Мазар, ему придётся принять более **разнообразный порядок** – такой, который неодинаково действует для разных стран и регионов. США могут противиться таким переменам и ещё сильнее опираться на ранее используемые испытанные схемы холодной войны, а именно спланировать демократии и наказывать нарушителей норм.

Но такой узкий порядок создаст больше болезненных точек и, следовательно, поставит под угрозу наиболее фундаментальную задачу **любого глобального порядка - поддержание мира между великими державами**. Раздел мира на сторонников и противников общего порядка наверняка будет менее разумным, нежели в прошлом. Роль Китая в глобальной экономике и позиция в качестве региональной державы означают, что его нельзя изолировать так, как это было с СССР в годы холодной войны. Более того, многие поднимающиеся сегодня страны имеют разные предпочтения, которые слишком разнообразны, чтобы их объединить либо в руководимой США системе, либо в оппозиционном им блоке.

В случае если Китай или Россия займут более агрессивную позицию, США, возможно, сочтут необходимым сфокусироваться на политике сдерживания и

создать узкий, руководимый ими либеральный порядок. Но это должно быть последним средством. В период холодной войны, центральным вызовом мировой политике было сдерживание – и постепенная трансформация – единственной державы, выступавшей против существовавшего миропорядка. **Сегодня цель совсем другая: предотвратить войну и поощрить сотрудничество между различными группами государств**, подчёркивает автор. Порядок, который открыт и готов к сотрудничеству разных стран, справится с этим вызовом лучше, чем узкий, агрессивный и в котором доминирует Вашингтон.

Следовательно, для США будет лучше попытаться создать ряд различных, но переплетающихся форм порядка: универсальный с участием главных держав и региональных, политических и экономических; либеральный и реалистический. В определённой мере Вашингтон уже делает это. Но тенденция в стратегии США, особенно после холодной войны, – построить гомогенный либеральный порядок, к которому все государства должны присоединиться примерно одинаковым образом и который проталкивает либеральные ценности на каждом фронте, т.е. повсеместно. США добьются больших выгод, если осознанно сделают выбор в пользу более «смешанного порядка» и пойдут на трудные компромиссы, которые с этим связаны.

Концепция «смешанного миропорядка»

Первым элементом такого «смешанного порядка», по мнению автора, должен стать некий форум для регулярного диалога ведущих государств – членов международной системы. Во времена, когда соперничество растёт и многие ведущие государства стремятся добиваться большего голоса в международных институтах, мир нуждается в лучших путях координации интересов ведущих держав – участниц системы, не только Китая и России, но также Бразилии, Франции, Германии, Индии, Индонезии, Японии и др. Более расширенный СБ ООН, соединённый с Группой двадцати и различными региональными и неформальными конференциями, мог бы помочь найти сферы, в которых крупные державы могли бы сотрудничать и сглаживать разногласия между ними. Эта часть механизмов нового миропорядка занялась бы в основном обеспечением целей, изложенных в Уставе ООН, особенно касающихся запрещения территориальной агрессии. Она бы концентрировалась на сферах, где интересы больших держав пересекаются, таких как борьба с изменением климата, терроризм, инфекционные заболевания.

Второй элемент нового *смешанного миропорядка* должен сосредотачиваться на экономическом сотрудничестве с опорой на сеть существующих международных институтов, включая МВФ и ВБ, доказавших свою эффективность в стабилизации глобальной экономики и разрешении финансовых кризисов. Для того чтобы обеспечить дальнейшую эффективность этих институтов, США должны предоставить больше голосов поднимающимся рыночным экономикам и наладить связь существующих институтов с новыми, например, с Азиатским банком инфраструктурного развития. Достичь этого будет нелегко, поскольку потребуются не только аккомодации к новым незападным странам, но и соблюдение важных правил открытых торговых систем. Но тут имеется проблема – как обеспечить экономический рост. Даже западные политики расходятся во мнении о причинах текущей экономической стагнации. Риск состоит в том, что если не будет согласия о природе этой проблемы, то сделать ничего не удастся. Глобальным экономиче-

ским институтам необходимо найти пути для мира, принятия согласованных акций, как они это уже делали, несмотря на аналогичные расхождения, когда смогли ограничить ущерб во время финансового кризиса 2008 года.

Третьим элементом, частью *смешанного порядка* должна стать потребность того, чтобы США совместно с союзниками и партнёрами продолжали поддерживать региональную стабильность и сдерживали агрессию. США могут быть менее доминирующей страной, нежели в прошлом, но они наверняка останутся важным стимулятором для общих усилий и опорой регионального баланса сил. Вашингтону придётся размещать свои военные базы для защиты правил порядка без подрыва отношений с другими крупными державами. Если Китай продолжит оказывать давление на США и их союзников, а Россия продолжит использовать свои преимущества в Восточной Европе, и Северная Корея будет регулярно провоцировать мир проведением испытаний ракет и ядерного оружия, то Соединённым Штатам придётся в большей мере расширять, а не сужать своё военное присутствие в предстоящие годы. Тем не менее, и Пекин, и Москва будут рассматривать размещение военных подразделений по соседству с ними как угрозу, поэтому фундаментальным вызовом для военной политики США в *смешанном миропорядке* будет укрепление потенциала сдерживания против усиления подобных страхов и неожиданных эскалаций, нарастания напряженности. Обещающими путями достижения этого является создание консультативных программ с целью увеличения военной мощи региональных союзников без массового размещения военных сил США; ставка на внутренние оборонительные способы мышления об операциях, достижение компромиссов по провокационному размещению как системы ПРО в Восточной Европе, так и нахождения новых путей решения кризисов, когда они действительно случаются.

Четвёртый элемент. США продолжают продвигать, иногда в одиночку, но чаще с союзниками, либеральные ценности и системы повсюду в мире, но делать это таким образом, который в большей мере управляет, нежели обостряет напряжение в *смешанном миропорядке*. Это означает сокращение военного вмешательства в защиту прав человека или поддержку демократических движений в странах, важных для других великих держав.

Для того чтобы управлять противоречиями среди различных частей нового смешанного *миропорядка*, США придётся пойти на некоторые неудобные для них компромиссы. Всегда будет оставаться напряжённость между отношениями великих держав и продвижением либеральных ценностей и между региональными и глобальными экономическими и политическими правилами. Управление этими противоречиями будет самой трудной задачей стратегии национальной безопасности в предстоящем десятилетии, делает вывод автор. США, по его мнению, могут решать эту задачу двумя способами.

Первый – определить идеи, которые принесут выгоды, те области сотрудничества, которые не предполагают конфликта ценностей или приоритетов. Есть много проблем, по которым Вашингтон может найти общую основу для стабилизации финансовых рынков или борьбы с терроризмом и инфекционными заболеваниями. *Второй путь* поддержания баланса в *смешанном миропорядке* – это разрешение или, по крайней мере, оттягивание кризисов, которые возникают вследствие претензий на сферы влияния крупных держав. Ввиду того что речь идёт о жизненно важных интересах и рисках эскалации, они представляют собой самую большую угрозу для глобальной стабильности. США не могут в одностороннем

плане навязать свою волю при решении этих споров, но если они будут игнорировать агрессивные действия других стран или нарушение ими прав человека, существующая система может обвалиться. В конце концов, самая большая ошибка 1930-х годов состояла не в либеральных излишествах, а в недостатке сдерживания Лигой Наций нарушителей, смутьянов – Германии и Японии. Такую стратегию можно было бы использовать в нынешнем споре по поводу суверенитета в Южно-Китайском море. Например, США могли бы возобновить дипломатическую инициативу, отложить проблему, не покушаясь на претензии соответствующих государств, убедив все страны в необходимости соблюдения принципа доступа к ресурсам и свободы судоходства на какое-то время, и одновременно подтвердить общие нормы неагрессивности и основные принципы мирового права. Заставить все стороны пойти на эти временные решения – исключительно трудное дело, но это будет легче, нежели достижение какого-то конечного решения, и может снизить напряженность на десятилетие или и того больше, тем самым отстранив великие державы от саботажа других проблем миропорядка.

США не могут отказаться от своей роли главного спонсора международного миропорядка. Хотя они больше и не будут гегемоном, председательствующим в единой системе, они всё ещё будут ключевым игроком, катализатором решений и управляющим партнёром *смешанного порядка*, в котором каждый член видит себя равным другим. Какими бы мощными не были поднимающиеся державы, ни одна из них не готова оказать ключевое влияние на решение любых проблем. Но, подчёркивает автор: **«лидерство США по-прежнему остаётся критическим для глобальной стабильности»**. Для роли США в изменившейся среде всё ещё останется стремление к большему миру, процветанию и уважению либеральных ценностей, но другим, иным путем. Это потребует грандиозных, балансирующих усилий.

Устоит ли современный миропорядок?

Близкую, хотя и более оптимистичную точку зрения относительно будущего США и их роли в системе мировой политики высказывает профессор Гарвардского университета Дж. Най, создатель концепции «мягкой силы» в американской внешней политике. В качестве центрального вопроса он выдвигает следующее положение: выживет ли международный либеральный порядок, созданный США после Второй мировой войны? И хотя американцы спорят по внешнеполитическим вопросам, тем не менее, впечатляющий успех этого порядка в обеспечении безопасности и стабилизации мира в течение истекших 70-ти лет привёл к установлению солидного консенсуса о том, что защита, расширение и упрочение существующей системы были и продолжают быть центральной задачей внешней политики США. В настоящее время желательность и возможность сохранения миропорядка ставятся под вопрос как никогда ранее. Некоторые критики, например, президент Д. Трамп, доказывают, что затраты на поддержание порядка перевешивают его выгоды и что для Вашингтона было бы лучше решать какие-то вопросы с другими странами в каждом конкретном случае, будучи уверенным, что они в большей мере выигрывают, чем теряют от взятых обязательств. Другие заявляют, что фундамент порядка разрушается ввиду долгосрочных перемен в балансе мировых сил, находящих своё выражение в подъёме таких азиатских экономик, как Китай и Индия. Есть и те, кто видит угрозу

миропорядку в более широком рассредоточении мощи от правительств к негосударственным организациям и индивидуумам благодаря переменам в политике, общественной жизни и технологии. Иными словами, существующий миропорядок сталкивается с самым крупным вызовом на протяжении жизни поколений: может ли он выжить и выживет ли? [J. Nye. 2017: 10-16].

Некоторые наблюдатели видят главную угрозу нынешнему либеральному порядку в быстром подъёме Китая, который, как кажется, сам не всегда осознает того факта, что статус мощной державы сопряжён с большой ответственностью. Они обеспокоены тем, что Китай близок к тому, чтобы превзойти США по мощи, и что, когда это случится, то ему не удастся удержать нынешний порядок, поскольку Китай видит в нём навязывание, отражающее интересы внешних сил, а не его собственные. Однако эти опасения кажутся преувеличенными по двум причинам: Китай вряд ли обойдёт США по мощи в ближайшее время, и ввиду того что он сам понимает и осознаёт значимость порядка в большей мере, чем это повсеместно считается. Вопреки общепринятому мнению, Китай, считает Дж. Най, не в состоянии стать доминирующей державой в мире. Сила включает способность получать от других то, что то или иное государство хочет, а также использование денег, подкупа, давления и привлекательности.

Экономика Китая росла драматическим образом в последние десятилетия, но она, по оценкам Дж. Най, составляет сегодня всего 61% объёма американской экономики, а темпы развития китайской экономики замедлились. Но если даже Китай действительно превзойдёт США по общему объёму экономики через несколько десятилетий, то следует учитывать, что экономическая мощь – всего лишь часть геополитического уравнения, а, например, на военные цели Вашингтон тратит в 4 раза больше, нежели Пекин. И хотя возможности Китая увеличились в последние годы, серьёзные обозреватели полагают, что он не будет в состоянии выдвинуть США из западной части Тихого океана и ещё в меньшей степени будет способен использовать глобальную военную гегемонию.

Что же касается «мягкой силы» то, считает Дж. Най, хотя Китай стремится догнать США, но и они ведь не будут стоять на месте, уже сейчас занимая первое место по способности привлекать других, а КНР – 28-е, и у них благоприятная демографическая ситуация, всё более дешёвая энергия, ведущие университеты мира и технологические компании. К тому же Китай извлекает выгоду и ценит нынешний миропорядок больше, чем это осознаётся на самом деле. Он один из пяти постоянных членов СБ ООН и получает пользу из участия в либеральных экономических институтах – ВТО и МВФ, в которых расширилось его право голоса, и он занимает важный пост заместителя директора фонда. Китай сейчас второй спонсор миротворческих операций ООН и участвует в программах ООН по борьбе с эболой и изменениями климата. В 2015 г. Пекин совместно с Вашингтоном стал разрабатывать новые нормы по борьбе с изменениями климата и конфликтами в сфере кибербезопасности. В целом, следовательно, Китай пытался не нарушить существующий порядок, а в большей мере усилить своё влияние в его рамках.

Безусловно, согласен Дж. Най, существующий миропорядок будет неизбежно каким-то образом меняться по мере того, как течёт время XXI века. Китай, Индия и другие экономики будут продолжать расти, и доля США в мировой экономике будет снижаться. И всё-таки **ни одна страна, включая Китай, не будет в состоянии сдвинуть США с доминирующих позиций.** Но существую-

щий порядок может столкнуться с угрозами, исходящими от общей диффузии мощи от правительств к негосударственным игрокам. Информационная революция ставит ряд таких транснациональных проблем, как финансовая стабильность, изменение климата, терроризм, пандемии, кибербезопасность на глобальном уровне, и это в тот самый момент, когда ослаблены позиции всех правительств реагировать на их появление. Сложность возрастает, и мировая политика вскоре не будет только прерогативой правительств. Индивидуумы и частные организации – от корпораций и неправительственных организаций до террористов и социальных движений – укрепляют свою мощь, а неформальные сети подорвут монополию на силу традиционных бюрократов. Правительства по-прежнему будут располагать мощью и ресурсами, но площадка, на которой они действуют, станет ещё более многоплановой, и они будут располагать меньшими возможностями влиять на мировое развитие.

Это относится и к США. Если даже они и останутся крупнейшей державой мира, убеждён Дж. Най, они будут не в состоянии достичь многих своих международных целей, действуя в одиночку. Например, международная финансовая стабильность важна для процветания американцев, но США нуждаются в сотрудничестве с другими государствами для её обеспечения. Глобальные изменения климата и поднимающийся уровень морей затронут качество жизни, но американцы не могут решить эти проблемы только своими силами. И в мире, где границы становятся всё более прозрачными, через которые проходит всё – от наркотиков до инфекционных болезней и терроризма, государства должны использовать «мягкую силу» для строительства институтов по решению общих угроз и вызовов.

Правда, Вашингтон в состоянии обеспечить самостоятельно некоторые важные публичные услуги, считает автор. Так, ВМС США играют ключевую роль, когда речь заходит об обеспечении свободы судоходства и навигации, а американская резервная система подпирает международную финансовую систему, выступая последним прибежищем утопающих. Однако что касается новых международных проблем, успех потребует сотрудничества и, следовательно, усиление других стран может помочь США достигать своих собственных целей. В этом смысле сила становится суммарной позитивной игрой: необходимо думать не только о силе США по отношению к остальным, но также и о том, что с помощью США можно решать, работая совместно. В таком мире способность контактировать друг с другом становится одним из важных источников силы. Но и здесь, утверждает Дж. Най, США также лидируют. Они занимают первое место по количеству посольств, консульств и миссий. У них 60 союзных договоров и около 100 из 150 крупнейших стран близки к США, и только 21 настроена против них.

Самый важный вызов существованию миропорядка в XXI веке, делает вывод Дж. Най, **исходит не извне, а изнутри**. Если даже США будут по-прежнему обладать большей военной, экономической и мягкой силой, нежели другие страны, они могут не использовать эти ресурсы для предоставления публичных услуг в международной системе в целом. Так было в межвоенные годы, накануне конфликтов в Афганистане и Ираке. В 2013 г. 52% американцев полагали, что США должны заниматься своими внутренними делами, а другие государства пусть сами избирают наилучший путь своего развития. Президентские выборы 2016 г. отличались популистской реакцией на глобализацию и соглашения о торговле в обеих крупных партиях, а либеральный мировой порядок является своего рода

проектом космополитических элит, которых популисты рассматривают в качестве своеобразного врага. Корни популистских настроений носят как экономический, так и культурный характер, продолжает Дж. Най. Регионы, потерявшие работу из-за внешней конкуренции, поддержали Трампа, но и белое население старшего поколения потеряло статус с подъёмом силы других демографических групп. Согласно американским данным, меньше чем через три десятилетия белые не будут этническим большинством в США, что и породило опасения и страхи, которые содействовали призывам Трампа, хотя эти тенденции говорят о том, что популистские настроения переживут кампанию Трампа. Стало почти банальным утверждать, пишет Дж. Най, что популистские настроения в США, в Европе, других местах означают начало конца современной эры глобализации и что за этим последует период турбулентности, как случилось после предыдущего периода глобализации сто лет тому назад. Но ситуация сегодня настолько отличная, что подобная аналогия не работает. Существует столько буферов против турбулентности как на национальном, так и на глобальном уровнях, что скатывание в экономический и геополитический хаос, как это было в 1930-е годы, не стоит на повестке дня. Недовольство и фрустрация будут, конечно, продолжаться. Избрание Трампа и голосование британцев за выход из ЕС показывают, что популистская реакция – общее явление во многих западных демократиях. Политическим элитам, которые хотят поддержать глобализацию и открытую экономику придётся поневоле обращать больше внимания проблеме экономического неравенства, оказанию помощи тем, кто пострадал от перемен, и стимулировать базирующийся на широкой основе экономический рост.

Было бы ошибкой, по мнению автора, делать далеко идущие выводы из риторики времён кампании Трампа о настроениях общественности США. Перспективы для выработки детальных соглашений типа Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства пострадали, но вряд ли произойдет поворот к протекционизму на уровне 1930-х годов. 65% американцев полагают, что глобализация в основном хороша для США, а спор ведётся относительно потерь рабочих мест. В 2015 г. 51% опрошенных считали, что иммигранты укрепляют страну.

Не потеряют США и возможности сохранить существующий миропорядок, утверждает Дж. Най. В настоящее время Вашингтон тратит менее 4% ВВП на оборону. Это меньше половины того, что тратилось на оборону в разгар холодной войны. И союзы не являются тяжёлым экономическим бременем. А в некоторых случаях, дешевле содержать военных за рубежом, например, в Японии, нежели на территории США. Проблема состоит не в том, что «пушки против масла», а в том, что «пушки против масла и налогов». Ввиду стремления избежать увеличения налогов или наращивания национального долга бюджет национальной безопасности США в настоящее время с его внутренними расходами на образование, инфраструктуру, исследования и развитие зажат «в игре с нулевой суммой» – сколько будет выделяться и на что, играет важную роль. Разочаровывающие результаты последних военных вмешательств, отмечает автор, также подорвали внутреннюю поддержку активной внешней глобальной политики. В эпоху транснационального терроризма и кризиса беженцев относиться отрицательно к любому вмешательству во внутренние дела других стран стало ни желательно, ни возможно. Но такие регионы, как Ближний Восток, наверняка будут переживать потрясения в течение десятилетий, и Вашингтону надо быть более осторожным касательно тех задач, которые там для него возникают. Втор-

жения и оккупация порождают оппозицию и сопротивление, которые в свою очередь повышают цену вмешательству и снижают шансы на успех, что, в свою очередь, ещё больше снижают поддержку активной глобальной политики.

Наконец, политическая фрагментация и демагогия представляют, по мнению Дж. Ная, еще один вызов для способности США обеспечивать ответственное международное лидерство, а выборы 2016 г. показали, что американское общество расколото. Например, Сенат США до сих пор не ратифицировал Конвенцию по морскому праву, несмотря на то что США полагаются на неё в обеспечении защиты свободы навигации в Южно-Китайском море против китайских провокаций. Конгресс в течение пяти лет отказывается выполнять важное обязательство США поддержать перераспределение квот МВФ от Европы в пользу Китая, хотя сделать это ничего не стоит. Конгресс принял законодательство, нарушающее принцип международного права о суверенном иммунитете, хотя этот принцип защищает не только зарубежные правительства, но и американских дипломатов и военных за рубежом. Ещё пример – сопротивление внутри страны установить цену на выпуск углекислого газа затрудняет лидирующую роль США в борьбе с изменениями климата.

В целом, считает Дж. Най, США по-прежнему останутся ведущей военной державой мира на протяжении десятилетий, и военная сила будет важным компонентом их мощи. «Поднимающийся Китай и приходящая в упадок Россия» пугают своих соседей, а гарантии безопасности США в Азии и Европе имеют критическое значение для стабильности, которая лежит в основе процветания либерального порядка. Рынки зависят от рамок безопасности и сохранения союзов, что является важным источником влияния США.

В то же самое время военная сила – грубый инструмент, используемый во многих ситуациях. Попытки контролировать внутреннюю политику националистически настроенной общественности, делает автор вывод, приведут к провалу, и военная сила мало что может предложить для решения таких проблем, как изменение климата, финансовая стабильность или управление интернетом. Поддержание сетей, работа с другими странами и международными институтами и содействие выработке норм для решения новых международных проблем имеют критически важное значение. Было бы ошибкой уравнивать глобализацию с торговыми соглашениями. Если даже экономическая глобализация замедлится, технологии создают экологические, политические, социальные глобализации, которые потребуют кооперационных ответов.

Лидерство не равноценно доминированию, и роль Вашингтона в содействии стабилизации миропорядка и обеспечении его постоянного прогресса может быть сегодня важнее, чем когда бы то ни было в прошлом, заключает автор.

О роли Китая в формировании нового миропорядка

Американские специалисты отводят Китаю важнейшую роль в формировании миропорядка в XXI веке. Связанным с этим проблемам целиком посвящена статья профессора Чикагского университета Эвана Фейгенбаума «Китай и мир» [Feigenbaum E. 2017: 34-40].

В 2013 г., напоминает автор, Китай выступил с инициативой создания нового многостороннего института развития – Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка. Как утверждал Пекин, банк был призван заполнить многосто-

ронний долларовый вакуум для финансирования железных дорог, электростанций, заводов и другой инфраструктуры в самом быстро развивающемся регионе мира. Но Соединённые Штаты расценили китайское предложение как вызов существующим региональным и глобальным институтам развития, созданию которых они содействовали после Второй мировой войны. США не только отказались присоединиться к самому банку, но и развернули тайную дипломатию с целью убедить союзников поступить аналогичным образом. В Вашингтоне утверждали, что новая организация подорвёт существующую систему, предлагая инвестиции без соблюдения антикоррупционных и экологических стандартов, которые соблюдаются нынешними клиентами. А некоторые наблюдатели в Вашингтоне считали, что Пекин преследует более далеко идущую цель: создать альтернативную систему ориентированных на Китай международных институтов, свободных от американского доминирования и либеральных ценностей, исповедуемых США и другими индустриальными демократиями. Многие верили в то, что заявленная обеспокоенность по поводу стандартов борьбы с коррупцией в действительности маскировала геополитическую тревогу, что банк станет первым шагом в усилиях Пекина построить китаецентричный мировой порядок. Попытки США помешать строительству банка или маргинализировать его потерпели унижительную неудачу. Банк начал работать в 2015 г., и к середине 2016 г. группа близких союзников США, включая Австралию, Канаду, Францию, Германию, Израиль, Южную Корею и Великобританию (хотя и с заметным отсутствием Японии) проигнорировала США и подписала с Китаем соответствующие соглашения.

Как так произошло, задаётся вопросом автор статьи, что в изоляции оказались США, а не Китай? Могли бы США действовать иначе? И что провал США говорит об их шансах в большей мере интегрировать Пекин в существующий миропорядок? Э. Фейгенбаум считает, что стратегия Китая – это диверсификация вложений портфелей, с помощью которой Пекин расширяет инфраструктурную базу для достижения ряда целей. Китай хочет подстраховаться свои обязательства по отношению к группам Запада на случай, если они окажутся не в состоянии учесть интересы Китая или выступить против них, создать рычаги давления для требований более быстрых и глубоких реформ «существующих институтов демократизации» международного управления. Поэтому важнейшая задача в плане формирования нового миропорядка – необходимость сбалансированного понимания роли Китая, которую он начал играть в современных международных отношениях, и природы вызова, который бросает Китай. По мнению профессора Фейгенбаума, самое важное – понять, что Китай – это государство-разрушитель, ревизионист, но не государство-революционер. Его размер, богатство и напористая внешняя политика ведут к тому, что он требует значительных изменений существующих международных институтов, но отнюдь не собирается обрушить целиком существующий международный порядок. Это полвека назад Китай времен Мао выступал за революционную смену миропорядка. Сейчас, наоборот, Пекин мёртвой хваткой отстаивает свои национальные интересы, предъявляет территориальные претензии, но пока не имеет ясной альтернативы господствующей системе и в реальности член почти каждого из существующих крупных институтов. Тем не менее, Китай – сдержанный акционер, он всё менее придерживается двусмысленной позиции и зачастую недоволен.

Небывалый подъём Китая в последние десятилетия дал ему многие рычаги требовать большего голоса в международных отношениях. Он укрепил свою во-

енную мощь, накопил триллионы долларов валютных резервов, которые могут быть обращены в инвестиции, добился нового влияния в развивающихся странах от Африки до Центральной Азии. Эти достижения означают, что Китай будет либо содействовать, либо разрушать региональное или глобальное управление. Реагировать на подъём Китая и его ревизионизмом потребует большей креативности и стратегической ясности, нежели Запад продемонстрировал до сих пор, так как сегодня Китай, как никогда ранее, полон решимости продвигать свои интересы разными путями и на разных форумах, но даже в тех случаях, когда он предлагает что-то альтернативное вне существующей системы, он зачастую заимствует и приспособливает практику существующих институтов, как это он сделал с известным банком.

Вашингтон ответил тем, что, приветствуя новую роль Китая, попытался управлять этим и подписался под крупными договорами и протоколами по таким вопросам, как выбросы озона и химическое оружие. Профессор Фейгенбаум считает, что необходимо драматическое изменение политики США: пришло время построить политику США дальше открытия дверей для членства Китая в международной системе и добиваться от Китая стать ответственным акционером в существующей системе. Часть мотиваций США, по мнению профессора, объясняется тенденцией со стороны Китая использовать безопасность и стабильность, которые обеспечивают США как в Азии, так и в остальном мире. Например, в Афганистане Китай извлекает значительные выгоды из войны, ведущейся под руководством США против «Аль-Каиды» и «Талибана», включая ликвидацию террористической угрозы вдоль западной границы Китая и создание более стабильного правительства в Кабуле. Но вклад Китая малый, особенно учитывая его экономические возможности, однако за последние десятилетия мощь Китая и его глобальная роль значительно возросли. Поэтому примерно десять лет назад, Вашингтон начал менять свой подход, стремясь агрессивнее направлять энергию Китая и упредить потенциальный вызов Пекина существующим институтам. Новая стратегия США исходила из того, чтобы сменить фокус в политике по отношению Китая от частных вопросов его поведения в международных институтах к более широкой проблеме. После присоединения к ВТО Китай почти завершил процесс своей интеграции в устоявшийся порядок. Он присоединился к большинству крупных институтов, которые когда-то подвергал критике. Так, на саммите Группы двадцати в 2009 г. Китай хотел получить больше голосов во Всемирном банке и Международном валютном фонде. Затем он присоединился и даже стал соинвестором проектов, организуемых большинством крупных региональных банков развития, включая Межамериканский и Европейский банки развития. Тем не менее, хотя Китай и стал членом этих и других институтов, зачастую он проявляет скептицизм и неудовлетворенность их деятельностью.

Э. Фейгенбаум называет три конкретных аспекта подъёма Китая, которые, по его мнению, делают усилия США по втягиванию Китая в существующую мировую архитектуру более трудной.

Во-первых, Китай не подписывается под либеральными нормами стран, которые создавали международные институты после Второй мировой войны и внедряли эти нормы в их деятельность. Это неприятие проистекает не только от собственно «нелиберальной ленинской политической системы», но и от исторических обстоятельств, в большинстве из-за претензий на Тайвань. Пекин стал

широко выступать против практики существующих институтов осуществлять либеральные интервенции, как это было в 1999 г., когда США вмешались на Балканах, минуя СБ ООН, где Китай обладает правом вето, а придали легитимность своим действиям через блок НАТО. Такое расхождение особенно мешало взаимодействию США и КНР.

Во-вторых, хотя Китай и стал весьма активным членом существующих групп и пактов, он пытался диверсифицировать систему путём поддержки конкурентных организаций, организовал ряд таких параллельных структур как БРИКС, которая провела первый саммит в 2009 г. и создала Банк развития и фонд чрезвычайных ситуаций. Создание банка было явным сигналом неудовлетворенности Китая не только тем, что в его понимании старая система потерпела провал в реформах и адаптации к достаточно быстрой возросшей роли Китая, но и как предупреждение, что у Китая есть возможности и воля действовать за пределами системы. И, тем не менее, Китай не вышел из существующих институтов. Он стал третьим по объёму внесённых средств в Азиатский банк развития (АБР), всё активнее участвует во Всемирном банке путём создания групп, не руководимых «Большой семёркой», подал сигнал Вашингтону, что он может и будет стремиться действовать альтернативно, если его призывы к переменам будут проигнорированы, и сделает шаги в таких сферах финансирования инфраструктуры, где действия США и связанных с ними групп оказались неэффективными.

В-третьих, вызов для США состоит в убеждённости, что Китай делает упор на те места, где существующие банки не очень активны или эффективны. В 2016 г. АБР предсказывал, что потребуется около 1 трлн долл. ежегодно до 2020 г. для финансирования инфраструктуры в Азии, причём правительства смогут выделить только 60%. Это дополнительный аргумент в пользу создания Азиатского инвестиционного банка, который дополняет существующую систему.

Китай – самый крупный торговец в мире, крупнейший производитель углекислого газа и вторая экономика мира. Поскольку глобальные экономические и экологические проблемы решить без участия Китая нельзя, то единственный путь сделать существующие институты функциональными, полагает Китай, это придать им более представительный характер. Однако для Вашингтона такое изменение баланса сил представляет некомфортный разрыв между либерализмом и эффективностью. Чем больше доминирование Запада в организации, тем вероятнее, что там будет преобладать либерализм, но чем она менее представительна, тем, возможно, будет менее эффективна. Примером этого является Международное энергетическое агентство, которое не включает ни Индию, ни Китай, ни огромных потребителей нефти, но там играют большую роль европейские государства, которые в 1970-х годах были крупными импортёрами нефти, а сейчас уже ими не являются. В результате – это менее эффективное агентство в сферах координации вкладов и технических стандартов.

Но именно в Азии, а не в глобальных институтах, считает автор, Вашингтон сталкивается с самыми серьёзными вызовами в плане того, как реагировать на растущую китайскую активность. Китай ещё со времён кризиса 1997–1998 гг. выдвигал региональные инициативы, которые исключали США. Противостоять им Вашингтону будет всё труднее, потому что это не только китайские идеи. Они имеют более глубокие корни, так как для региона характерны длительные традиции паназиатских идей, переговоров и пактов, в том числе и среди стран, которые являются союзниками США.

Как на всё это должен реагировать Вашингтон? Э. Фейгенбаум считает, что ему не следует рассматривать китайские инициативы (банк это или «один пояс и один путь»), как подрывающие усилия США. Но это действительно означает, что азиатские экономики во всё большей мере смотрят друг на друга, нежели на Запад, в вопросах получения инвестиций и экономического сотрудничества. Вероятный результат состоит в том, что к 2030 г. Азия будет всё явственнее напоминать интегрированный континент, который существовал до прихода США, т.е. больше «Азия» чем «АТР».

Приспособление к новой реальности – один из стратегических вызовов для США в Азии. До сих пор они плохо приспосабливались к глобальной роли Китая и, особенно, к его паназиатским инициативам. Вашингтонским политикам надо осмотрительнее подходить к схваткам с Пекином, рекомендует Э. Фейгенбаум. Предстоят многочисленные идейные и идеологические баталии в предстоящие годы по региональным и глобальным проблемам миропорядка, и Вашингтон должен действовать избирательно. В случае с Азиатским инвестиционным банком, например, противостоя Пекину в сфере, где существующих институтов явно недостаточно. Вашингтон не предложил никакой альтернативы американоцентричной системе. Поступив так, он превратил многостороннюю инициативу Пекина в двусторонний спор, и проиграл. У США нет реальных рычагов влияния на Пекин, и он ошибся в сантиментах своих союзников, заключает автор. Другой урок состоит в том, что США не стоит ставить своих союзников перед выбором «или/или» между Пекином и Вашингтоном в вопросах, не имеющих первостепенной важности для национальной безопасности своей или их союзников. В Южно-Китайском море, где Пекин нарушает морское право и таможенные правила, такой подход оправдан. Но финансирование Китаем коммерческих железных дорог или энергетических систем не является сопоставимой угрозой.

Наконец, рекомендует автор, США необходимо иметь ясное представление, где их жизненно важные интересы диктуют им необходимость активнее участвовать в игре. Торговля – одна из таких сфер. США вышли из Тихоокеанского партнёрства. Значит им следует ожидать, что азиатские страны заполнят вакуум и напишут свою историю. И Тихоокеанского партнёрства самого по себе было бы недостаточно в любом случае. Вместо того чтобы отказываться от него, Вашингтону следовало дополнить его через переговоры с Индией и Китаем, чтобы открыть их экономики американским фирмам и поддержать экономических реформаторов в обеих странах, организовав частные партнёрства для обеспечения участия бизнесменов США в инфраструктурных проектах в Азии, подписать конкретные пакты, в частности, по рыболовству и стандартам охраны окружающей среды в ответ на китайскую идею «один пояс, один путь». Кроме того, в условиях сокращения влияния США должны искать средства опоры на союзников там, где они не могут сделать сами.

И последний урок: международная система не будет функционировать, пока в неё не войдут самые крупные и быстро развивающиеся страны. Если США окажутся не в состоянии включить Китай, Индию и другие поднимающиеся экономики, те попросту обратятся куда-то ещё.

Китай, конечно, и дальше будет предлагать что-то наподобие создания Азиатского банка инвестиций и развития. США не стоит каждый раз оказывать противодействие. В дополнение к преимуществам, которые даёт положение в географическом центре Азии, Китай может использовать триллионы долларов в

поддерживаемые государством финансы, – то, чего сделать США не в состоянии. С ходу отбрасывать любую инициативу Китая, означает от Вашингтона бороться как с географией, так и с экономикой. А делать это, считает автор, означало бы утратить возможность работать с Китаем, например, в Центральной Азии, где интересы США смыкаются больше с интересами Китая, нежели России. Конечно, роль американского бизнеса останется ключевой в Азии. Компании США инвестировали более 200 млрд долл. только в страны Юго-Восточной Азии. Но под вопросом находится – не бизнес, а правила, нормы и стандарты. Вашингтон может потерять влияние в регулировании инвестиций, технологических стандартов, труда и практики защиты окружающей среды.

И заключительные рекомендации профессора Э. Фейгенбаума: США должны поощрять либеральный, открытый, ориентированный на рынок порядок в регионе. Главное, что Вашингтон тратит слишком много времени и энергии, реагируя на китайские инициативы. Вместо этого, США должны сосредоточиться и использовать такие свои силовые преимущества, как технологии, инновации, связь с глобальными финансовыми рынками, когда выстраивают отношения с многими азиатскими странами в целях сбалансировать растущее влияние Китая. Главное – организовать более мощное наступление, а не играть в слабую оборону.

Высказанные выше идеи означают признание сокращения возможностей США влиять на мировое развитие, в том числе и Китая. Но, администрация Д. Трампа, развязав торговые войны с Китаем, как представляется, делает упор на односторонние действия в целях сохранения своих позиций в мире.

References

Feigenbaum A. Evan. China and the World // Foreign Affairs. January-February 2017. Vol. 96, No 1. p. 34-40.

Mazarr J. Michael. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? // Foreign Affairs. January-February 2017. Vol. 96, No 1. p. 34-40.

Nye S. Joseph, Jr. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs. January-February 2017. pp. 10-16.

Reader's Deliberations

Problems of a New World Order. American Experts' Assessments

(USA & Canada Journal, 2018, no. 12, p. 99-115)

Received 25.10.2018.

PODLESNY Pavel Terentyevich, Institute for the U.S. and Canadian Studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation (podlpavel@yandex.ru)

The purpose of this article is to analyze the main approaches in the United States to the construction of a new world order, to reveal the degree of their influence on the policy of D. Trump administration, to consider the essence of this policy.

Keywords: *USA, world order, China, Russia, liberal world order, system of international relations.*

About the author:

PODLESNY Pavel Terentyevich, Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow.